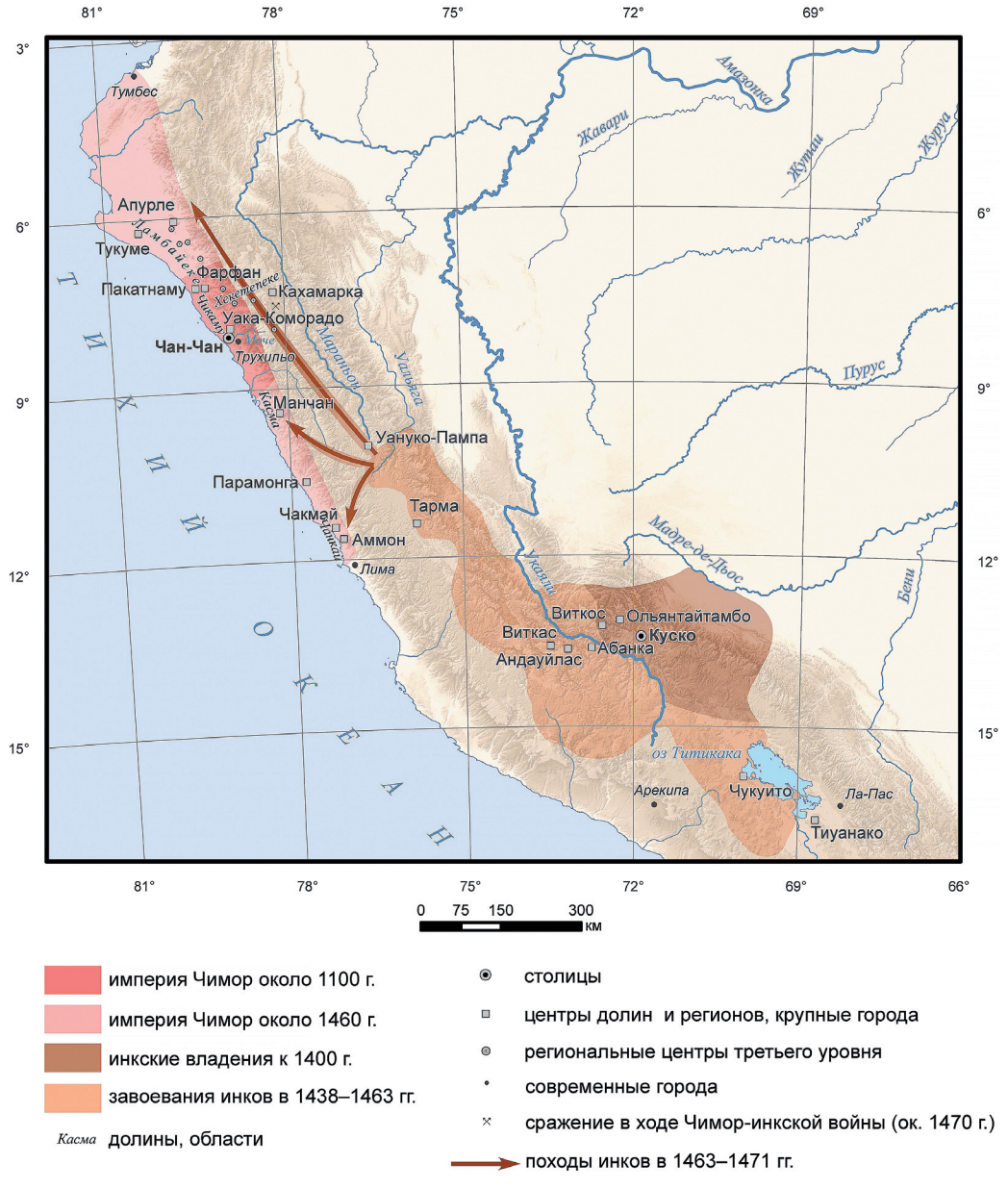
ЧИМО́Р — крупное региональное государство на базе культуры Чиму на северном побережье Перу, существовавшее в X–XV вв. Одно из самых значительных государственных образований Андской цивилизации. Хронологически эпоха развития Чимора приходится на Поздний промежуточный период (1000–1470).

Название: происхождение и эволюция

Само название государственного образования «Чимор» происходит от наименования долины Чимо (Чиму). В отличие от многих топонимов, обозначающих доинкские памятники, Чимор — оригинальное название, которым пользовались сами носители этой культуры. Точное значение



Ил. 1. Чимор

Ил. 2. Городище Чан-Чан, общий вид.
Фото: © Е. В. Новосёлова

термина неизвестно, однако очевидно, что он происходит из одного из местных языков, имевших распространение в Чиморе (*подробнее см. ниже*). В литературе преобладает следующий принцип: термином «Чимор» обозначается государство, а наименованием «Чиму» — культура, на базе которой это государство возникло.

В научной литературе Чимор обычно называют либо «империей» (*исп*. imperio / *англ*. empire), либо «королевством» (*исп*. reino / *англ*. kingdom). Первое наименование предполагает соответствие государственного образования целому ряду критериев (сильный уровень централизации, значительный территориальный охват, объединение нескольких культурно-исторических областей и т. п.), не все из которых бесспорны в случае с Чимором. Второй же термин более нейтрален. Как бы то ни было, ни у кого из современных исследователей нет сомнений, что Чимор был крупным региональным государственным образованием, сыгравшим важную роль в истории Андской цивилизации.

Территориальный охват

Территориальным ядром государства Чимор была долина реки Моче, расположенная на северном побережье Перу (**Ил. 2**). В этой зоне издревле существовал очаг государственности: именно здесь находился и центр развития культуры Моче, одной из наиболее ярких и значимых культур как перуанского побережья, так и всей Андской цивилизации в целом. На пике своего могущества Чимор занимал всё северное и центральное побережье современного Перу: от Тумбеса на севере до Лимы на юге; общая протяженность границ составляла около 1000 км [*Mackey, Ulana 1981*: 99]. Согласно письменным источникам, размеры Чимора были скромнее: от Тумбеса до Уари [*Cabello Balboa 1951*: 317]. При этом показательно, что чиморскую территорию, судя по всему, составляла лишь прибрежная зона, то есть его власть не распространялась на области Сьерры — перуанского высокогорья. Этим Чимор отличался от некоторых других крупных государств Андской цивилизации (в частности, Уари и Тиауанако), которые охватывали своим влиянием обе крупнейшие историко-географические зоны Анд. Столица Чимора была равноудалена как от северной, так и от южной границы.

Главные политические и экономические центры в различные эпохи

Столицей Чимора и его главным политическим, экономическим и культовым центром было городище Чан-Чан в долине реки Моче (**Ил. 2**), которое находится недалеко от современного города Трухильо. По площади это одно из самых крупных археологических городищ обеих Америк, следовательно, в городе некогда проживало многочисленное население. По некоторым оценкам, его численность могла составлять 30–40 тыс. человек [*Tsai 2012*: 134]. Чан-Чан не имеет четко выраженной архитектурной доминанты: его облик определяют так называемые цитадели — обширные полифункциональные комплексы, которые, судя по всему, являлись правительственными резиденциями с административными и культовыми функциями [*Pillsbury, Banks 2004*]. Все цитадели расположены в центре городища, что дополнительно подтверждает их высокое значение для жизни города. Одним из крупнейших и наиболее изученных комплексов является цитадель Чол-Ан (устаревшее название — Риверо), которая относится к позднему этапу развития городища. Прочие цитадели получили следующие названия (указаны в хронологическом порядке): Чайхуак-Ан (Чайхуак), Шйангчик-Ан (Уле), Уцх-Ан (Гран-Чиму), Фечеч-Ан (Лаберинто), Ньинг-Ан (Велардо), Ньяйн-Ан (Банделье), Фочик-Ан (Сквайр), Ник-Ан (Чуди), Цуц-Ан (Тельо) [*Rengifo 2020*: 23; *Moseley, Kent 1982*: 55]. Каждый из этих комплексов носил изолированный характер: их окружали стены высотой до 9 м. Большинство цитаделей имели вход, расположенный в центре северной стены (единственное исключение — Чол-Ан (Риверо)) [*Moseley, Kent 1982*: 55–57]. К цитаделям примыкали комплексы, получившие название «элитных компаундов» [*Moseley, Kent 1982*: 62]. Возможно, это были резиденции знати, не принадлежащей к правящей династии.

В городе существовали и ремесленные кварталы, жители которых, вероятно, обслуживали обитателей цитаделей. Большая часть этих кварталов была сконцентрирована на южных, западных и северо-западных окраинах Чан-Чана. В целом для этих комплексов характерны небольшие размеры помещений и отсутствие регулярной планировки.

Крупные культовые строения за пределами цитаделей Чан-Чана представлены рядом пирамидальных сооружений, самым массивным из которых является Уака-Толедо [*Rengifo 2020*: 103–104]. Кроме того, в последние годы было исследовано несколько комплексов — они с уверенностью могут быть идентифицированы как храмы: Уака-лас-Кончас, Уака-эль-Обиспо, Уака-эль-Ольвидо, Уака-Арко-Ирис, Уака-ла-Есмеральда, Уака-эль-Драгон и Уака-эль-Идо [*Rengifo 2020*: 27]. Функциональные различия между этими храмами и святилищами в цитаделях остаются до конца не изученными.

Можно сказать, что структуру ключевых центров Чимора определили природно-климатические особенности перуанского побережья: оно представляет собой пустыню (**Ил. 3**), однако перпендикулярно океану его пересекает множество небольших, но плодородных долин, в которых возможно высокопродуктивное земледелие. Помимо столицы значимую роль в государстве играли центры ряда подобных долин, среди которых можно выделить Ламбайеке, Чикаму, Непенью, Чанкай, Хекетепеке. Внутри каждой долины существовала как минимум трехступенчатая система иерархии административных центров [*Keatinge, Conrad 1983*: 258], что говорит о сложности всего государственного организма.

Из конкретных археологических памятников следует отметить Фарфан, центр долины Хекетепеке, которая до Чимора принадлежала государству Ламбайеке. Анализ архитектуры городища показывает, что часть его сооружений возведена по канонам, характерным для Чан-Чана [*Tsai 2012*: 140; *Tantaleán 2021*: 178]. Важность Фарфана была обусловлена его стратегическим положением: в этом месте прибрежная дорога с севера на юг пересекалась с дорогой в Сьерру, в сторону Кахамарки [*Moore, Mackey 2008*: 789]. В то же

время отсутствие свидетельств ремесленного производства в Фарфане и скромный объем складских помещений показывают, что, вероятно, жизнь городища была сосредоточена вокруг политической активности — пиров и торговых союзов, а не на перевалочной торговле, как предполагалось ранее [*Moore, Mackey 2008*: 791].

Наличие архитектурных канонов, характерных для Чимора, свойственно и Манчану, центру долины Касма на юге чиморского ареала [*Mackey, Klymyshyn 1981*: 100–101]. В отличие от Фарфана, который существовал и до экспансии Чимора, Манчан был построен чиморцами специально для контроля над долиной. В городище были как престижные комплексы с соответствующими захоронениями, так и кварталы рядового населения [*Moore, Mackey 2008*: 792].

Еще одно значимое городище — Тукуме, центр долины Ламбайеке и одноименного государства, важный с точки зрения экономики и сельского хозяйства [*Klaus et al. 2016*: 179]. Городище существовало и до экспансии Чимора и было частично перестроено, приобретя архитектурное сходство с чиморскими канонами [*Moore, Mackey 2008*: 794–795]. Наиболее характерной архитектурной доминантой чиморских региональных центров являются так называемые аудиенции, U-образные сооружения с нишами, типичные и для Чан-Чана [*Tantaleán 2021*: 178].

Население: этническая и лингвистическая составляющие, оценка общей численности

Учитывая обширные размеры Чимора и тот факт, что доиспанскому Перу была свойственна высокая степень этнолингвистического разнообразия, можно предположить, что чиморское население имело полиэтничный характер. Но, к сожалению, подробности этнической истории Чимора нам неизвестны. Лингвистическая принадлежность местных обитателей тоже остается не до конца решенной проблемой. В источниках фигурируют три термина для обозначения языка, на котором говорили в Чиморе: это кингнам (*quingnam*), мочика [*Middendorf 1892*: 1] и пескадора (*исп*. pescadora). Антонио де ла Каланча частично соотносит их с определенными областями бывшего чиморского государства [*Calancha 1638*: 550]. Также встречается термин «юнга» как обозначение языковой группы населения Чимора, но он имеет кечуанское происхождение и не употреблялся самими носителями. Соотношение между этими тремя языками остается предметом дискуссий: неясно, являются ли они диалектами одного языка или группой родственных языков [*Quilter et al. 2010*: 361–362; *Rowe 1948*: 33]. Очевидно, что название «мочика» имеет отношение к культуре Моче, к которой частично восходит Чимор. Существует точка зрения, что население Чимора являлось потомками носителей культуры Моче и, следовательно, в общих чертах структуры Чимора (в том числе политические) можно назвать автохтонными. Так или иначе, на заре археологического изучения северного побережья Перу Мочика и Чиму рассматривались как разные стадии развития одной и той же культуры [*Bennet 1937*: 37], что лишь подтверждает их генетическое родство. Термин «пескадора» происходит из испанского языка и переводится как «рыбачий» (в форме женского рода, в соответствии с согласованием со словом *lengua* — «язык») и несомненно отсылает к социально-профессиональному профилю носителей этого языка. Опять же, неясно, в каких отношениях с кингнам/мочика он находился.

Как бы то ни было, судьба языков кингнам/мочика/пескадора сложилась не слишком благополучно. После инкского завоевания в регионе усилилось присутствие кечуа, официального языка империи Тавантинсуйу. В колониальное время кингнам/мочика/пескадора не удостоились особого статуса со стороны церкви и администрации: по крайней мере, в число *lenguas generales* (*исп*. «общие языки»), то есть языков, на которых велась христианизация индейцев, они не попали, оказавшись в категории *lenguas particulares* (местных, локальных языков, *исп*. «частные языки»). Тем не менее одна колониальная

Ил. 3. Пустыня северного побережья Перу.
Фото: © Е. В. Новосёлова

грамматика кингнам всё же существует [*Carrera 1644*], что свидетельствует о его определенном признании.

К настоящему моменту все эти языки вымерли; это произошло, как констатирует перуанский лингвист Р. Серрон-Паломино [*Cerrón-Palomino 1995*], в середине XX в. Длительное время кингнам бытовал в качестве разговорного языка в поселении Этен в регионе Ламбайеке: в исследованиях первой половины XX в. это место называлось единственным, где еще были индейцы, которые говорили на данном языке [*Villarreal 1921*: 121]. В настоящее время имеют место попытки возрождения этого языка.

Основные вехи политической истории

Как и в случае с прочими доинкскими государственными образованиями, подробности политической истории Чимора неизвестны. Однако поскольку из всех этих государств Чимор хронологически наиболее близок к Конкисте, отдельные сведения о нем сохранились в некоторых источниках колониального периода. Среди них можно выделить, в частности, «Моральную хронику» августинца Антонио де ла Каланчи, многие фрагменты которой посвящены Чимору. Другие значимые источники — это «Анонимная хроника Трухильо» и «Антарктический калейдоскоп». В большинстве остальных хроник, посвященных инкской империи Тавантинсуйу, чиморская история ограничивается одним ярким эпизодом, а именно завоеванием данного государства инками, которое произошло в 1470-х гг. в правление Сапа-Инки Топа-Юпанки. В целом можно сказать, что Чимор в хрониках империи Тавантинсуйу никак не выделяется на фоне прочих государств, завоеванных инками. Однако это не столько характеристика самого Чимора, сколько особенности инкской пропаганды. Важным фактором, который обусловил лаконичность сведений о Чиморе в письменных источниках,

является отсутствие этнической и демографической преемственности между доиспанским и колониальным периодами вследствие массового вымирания местного населения и интенсивной хозяйственной эксплуатации земель [*Moseley 1990*: 2].

Сведения о начале государственности в Чиморе окрашены в легендарные тона: например, Каланча сообщает, что до того, как династия Чимора пришла к власти, долины северного побережья были разобщены, поселений было мало, а их обитатели — беззащитны перед лицом опасностей [*Calancha 1638*: 552]. Здесь нетрудно увидеть указание на то, что правители Чимора, подобно инкам, рассматривали себя как носителей цивилизации в варварских землях и пытались построить на этом свою пропаганду. Однако в данном образе не исключено и рациональное зерно: до создания единого централизованного государства местные общины действительно могли враждовать между собой чаще и кровопролитнее.

По данным археологии история Чимора вплоть до инкского завоевания восстанавливается лишь в общих чертах. В частности, можно установить, что правители Чимора приступили к экспансионистской политике примерно в XII в., в следующем столетии было завоевано Ламбайеке [*Klaus et al. 2016*: 179] — крупное и богатое прибрежное государство, которое, так же как и Чимор, уходит своими корнями в культуру Моче. В начале XIII в. к Чимору была присоединена долина Хекетепеке, а во второй половине XIV столетия чиморское государство достигло своих максимальных размеров [*Klaus, Toyne 2016*: 11]. Существуют и альтернативные версии: так, некоторые исследователи выступают за более позднюю датировку экспансии Чимора в Хекетепеке, считая, что она состоялась, возможно, в XIV в. [*Moore, Mackey 2008*: 789].

Одно из наиболее красочных описаний завоевания Чимора инками содержится в «Истории Нового Света» Бернабе Кобо (середина XVII в.), который сообщает следующее: чиморский правитель запросил оракулов об исходе противостояния с инками и получил благоприятное для себя предсказание. В благодарность он организовал масштабные подношения, принеся в жертву в том числе собственных детей. Однако это не помогло, и государство было разгромлено [*Cobo 1893*: 169]. Данные археологии показывают, что значимую роль в этом сыграло повреждение ирригационной системы, которая поддерживала жизнеспособность Чимора и его столицы [*Moseley, Kent 1982*: 49]. После прихода инков Чимор утратил политическую самостоятельность, многие ремесленники были увезены в столицу инков Куско, а Чан-Чан стал постепенно приходить в упадок. В инкскую столицу забрали также последнего чиморского правителя (вероятно, в качестве знатного заложника) вместе с большим количеством золота, серебра и драгоценных камней [*Cabello Balboa 1951*: 332]. При этом формально Чимор не прекратил свое существование. Окончательно история Чимора и его культуры закончилась уже с приходом испанцев.

Необходимо отметить, что инкское завоевание Чимора занимает важное место в системе общепринятой андской хронологии: именно на нем заканчивается Поздний промежуточный период (1000–1470-е) и начинается Поздний горизонт (1470-е — 1533) [*Quilter 2014*: 35–38]. Любая хронологическая граница в большей или меньшей степени условна, но в данном случае очевидна особая важность этого события в истории Андской цивилизации.

Структура управления и главные действующие лица (монархи и прочие)

Как и все известные государства Андской цивилизации, Чимор был монархией, однако неизвестно, в чем заключались особенности и нормы престолонаследия. Исходя из погребального обряда, очевидно, что чиморские монархи практиковали полигамию: судя по всему, некоторые жены и наложницы отправлялись в загробный мир вместе со своим господином.

О титулатуре правителей также нет четких сведений. В колониальных хрониках чиморских монархов называют капаками,

Ил. 4. Изображения рыб. Цитадель Чуди, Чан-Чан.
Фото: © Milton Rodriguez / Shutterstock.com

но это инкский термин, который можно перевести как «правитель» (в частности, последний монарх независимого Чимора фигурирует в большинстве источников под именем Чиму-Капак, то есть «правитель Чиму»). Очевидно, что сами чиморцы этим понятием не пользовались, поскольку говорили на совершенно другом языке. В «Анонимной хронике Трухильо», одном из источников начала XVII в., приводится перечень правителей Чимора в хронологическом порядке: Такайнамо, Гуарси-Каур, Ньянсенпинко, Минчанкаман (по инкским источникам известен как Чиму-Капак, именно в его правление Чимор был завоеван инками), Чумун-Каур, Гуаман-Чуми, Анкокуйуч, Каха-Симсим [*Lavalle 1991*: 50]. Последние четверо правили уже от лица Сапа-Инков, когда государство лишилось самостоятельности и стало частью инкской империи Тавантинсуйу.

Из этого списка можно сделать несколько выводов. Во-первых, он явно неполон (восемь правителей не могли править шесть веков) и представляет собой скорее экстракцию, краткую выжимку из несохранившихся сведений некогда куда более обширного корпуса. Вероятно, перед нами имена правителей, которые запомнились чем-то особенным. Во-вторых, здесь мы имеем дело со смешением реальных лиц и легендарных (к таковым следует отнести как минимум Такайнамо, якобы прибывшего в долину откуда-то из-за моря). В этом отношении данный династический список схож с инкской капаккуной, которую тоже нельзя назвать полностью достоверной. Но начиная с правителя Минчанкамана далее нет оснований сомневаться в историчности названных персонажей, поскольку с этого момента Чимор попадает в орбиту инкской истории и задокументирован уже как ее часть.

Особенности архитектуры столицы Чимора позволяют сделать предположение, что в этом государстве существовал институт, аналогичный инкским панакам: каждый правитель становился родоначальником собственного линиджа, который после смерти основателя поддерживал его культ и наследовал всю его собственность. По крайней мере, цитадели Чан-Чана

практически единогласно интерпретируются в литературе как резиденции таких «панак». Об особенностях функционирования этого института в Чиморе, времени его возникновения и прочем ничего доподлинно не известно. Принимая во внимание количество цитаделей (на данный момент в той или иной мере изучено 10), можно сделать вывод, что этот институт не возник одновременно с чиморской государственностью, а развился несколько позже. Не исключено, однако, что ранние цитадели могли просто не сохраниться.

Можно предположить, что структура управления в Чиморе на местах строилась примерно на тех же принципах, что и в других государствах Андской цивилизации: посредством как привлечения местных элит, так и через наместников из метрополии, то есть управление осуществлялось прямыми и непрямыми методами [*Tantaleán 2021*: 181]. Преобладание той или иной формы, вероятно, варьировалось в зависимости от конкретных условий. В частности, данные археологии показывают, что на крайнем севере своего ареала, в Тумбесе, Чимор использовал для управления непрямые методы [*Moore, Mackey 2008*: 796]. Это можно объяснить удаленностью Тумбеса от политического центра государства. В то же время для не столь далеко расположенных городищ свойственна типично чиморская архитектура, о чем подробнее говорилось выше. Это может указывать на более централизованные методы управления данными территориями.

Археологический материал свидетельствует о сложной иерархии поселений, а также о большой роли в управлении ими ритуалов с участием местных элит [*Makowski 2016*: 101]. Учитывая местные природно-климатические особенности, следует отметить, что важную роль в организации местного управления играл контроль над ирригационной системой: перуанское побережье пересекает множество небольших плодородных долин, в каждой из которых существовала собственная система ирригации. Контроль над этими долинами и организация обмена между ними были одной из важнейших задач верховной власти в Чиморе.

Формы социально-экономического развития

Как и в других государствах Андской цивилизации, экономической основой Чимора было земледелие. Преобладали культуры, характерные для региона в целом: маис, бобовые, киноа, тыква, картофель, основной технической культурой был хлопок. В силу природных особенностей побережья в Чиморе практиковалось ирригационное земледелие, которое предусматривало сложную систему каналов.

Определенное значение имело и животноводство, представленное выращиванием камелид (лам и альпак) и морских свинок. Первые использовались преимущественно как тягловые животные и источник шерсти, а также для престижных жертвоприношений, последние — как мясные животные.

Несомненна значимая роль моря в экономике Чимора, несмотря на преобладающую роль земледелия как источника продуктов питания и отмечаемое археологами общее снижение доли морских продуктов в структуре питания местного населения [*Cuéllar 2013*: 144]. Были распространены рыболовство (преобладающий вид рыб, вероятно, анчоусы) и морской зверобойный промысел, что нашло свое отражение в том числе в чиморском искусстве.

Важную роль играла торговля, которая, скорее всего, осуществлялась как сухопутным, так и морским способом. Особо нужно отметить торговлю раковинами моллюсков семейства Спондилус, имевшими большое сакральное значение, однако известно, что сами эти моллюски в перуанских водах не водились. Роль государства в торговле не вполне ясна [*Pillsbury 1996*: 333].

О конкретных формах социально-экономического устройства в Чиморе известно крайне мало. По аналогии с более поздними этапами развития Андской цивилизации можно предположить, что местное сельское хозяйство основывалось на труде свободных крестьян. Неизвестно, бытовал ли местный аналог характерной для Сьерры айлью, то есть общины, члены которой были связаны почитанием общих предков

и практикой соответствующего культа. Относительно существования каких-либо форм зависимости однозначных сведений нет. При этом рядом исследователей было сделано убедительное предположение, что в Чиморе для возведения крупных сооружений (например, цитаделей Чан-Чана) практиковалась трудовая повинность местного населения [*Mackey, Klymyshyn 1981*: 104–105].

Основные религиозные и идейные течения

Религия Чимора представляла собой региональный прибрежный вариант общеандского мировоззрения. По имеющимся источникам очевидно, что она продолжала традиции более ранних культур Косты. Важно, что на примере религии Чимора можно проследить интересный синтез прибрежных и горных мировоззренческих концепций, характерный как минимум для последних веков развития государства. К сожалению, конкретные имена чиморских божеств, за единственным исключением, неизвестны. Однако в структурном отношении отдельные элементы религии Чимора можно проследить на основе ее сопоставления с мировоззрением как более ранних, так и более поздних культур.

В письменных источниках (в частности, у Антонио де ла Каланча) утверждается, что верховным божеством Чимора была богиня луны Си: носители культуры объясняли это тем фактом, что луна, в отличие от солнца, видна не только ночью, но и днем [*Calancha 1638*: 552]. Очевидно, что обосновывать приоритет луны над солнцем приходилось на контрасте с инкской религией, где, как известно, именно божество солнца Инти считалось главой пантеона. В «Моральной хронике» есть интересный пассаж о том, что в представлении жителей Чимора днем луна путешествует по загробному миру, наказывая воров [*Calancha 1638*: 552]. С одной стороны, это указывает на то, что божество луны могло иметь не только небесные, но и судебно-управленческие функции. С другой стороны, пассаж из «Моральной хроники» свидетельствует, что Си не являлась, по терминологии М. Элиаде, отдыхающим божеством, а была непосредственно вовлечена в постоянный жизненный цикл. Мотив с наказанием воров не вполне ясен; он может указывать на тяжесть подобного преступления в чиморском обществе, если, конечно, появление данного мотива не является христианским искажением местных представлений.

Ил. 5. Чиморский сосуд со стремевидной ручкой-горлышком.
Фото: © Myriam B / Shutterstock.com

Существуют многочисленные изображения лунной богини на керамике: показательно, что на них Си имеет зооморфные (вероятно, кошачьи) черты [*Makowski 2000*: 144–147].

Еще одно значимое божество, реконструируемое преимущественно на основе иконографии, — это так называемый Бог с посохом. Он изображался преимущественно анфас в виде антропоморфной фигуры, которая держит посохи в обеих руках. Часто его образ сопровождался изображениями змей, ящериц или птиц, что может указывать на «земные» функции этого бога [*Moore, Mackey 2008*: 799–800]. Иногда исследователи выделяют

Ил. 6. Глинобитные стены Чан-Чана.
Фото: © Е. В. Новосёлова

Ил. 7. Изображения рыб. Цитадель Чуди, Чан-Чан.
Фото: © Е. В. Новосёлова

Ил. 8. Уака-Арко-Ирис, Чан-Чан. Изображение радуги.
Фото: © Е. В. Новосёлова

Ил. 9. Уака-Арко-Ирис, Чан-Чан. Зооморфные мотивы.
Фото: © Е. В. Новосёлова

как отдельное божество схожего персонажа, который изображался в особом головном уборе с двумя плюмажами [*Makowski 2000*: 142–143].

Другие представители чиморского пантеона известны в меньшей степени, но очевидно, что важную роль играло почитание прочих небесных светил и явлений (звезд, радуги), а также моря. Последнее специфично для Косты в силу природных особенностей. Здесь можно указать на уже упоминавшийся выше мотив появления первого правителя Чимора откуда-то из-за моря. Этот мотив интересно сравнить с одной из версий инкского династического мифа, согласно которой первые инки вышли из пещеры Пакаритамбо. В литературе неоднократно указывалось, что инки эксплуатировали таким образом характерный для Сьерры мотив почитания гор и пещер в собственных интересах. Сведений относительно пропаганды в Чиморе значительно меньше. Однако по аналогии с инками можно предположить, что чиморские правители использовали в целях обоснования своей власти распространенный на побережье сюжет, связанный с морем. Еще одно важное свидетельство почитания морской стихии в Чиморе — это искусство. Морские мотивы в иконографии — одни из наиболее часто встречающихся (**Ил. 4**), при этом несомненно, что они имели не только эстетическое, но и религиозное значение.

На основе изучения чиморской иконографии также прослеживается почитание небесных объектов: звезд и радуги. В чиморском искусстве этот мотив известен преимущественно по изображениям на барельефах: один из самых ярких примеров — барельефы Чан-Чана на памятнике с названием Уака-Арко-Ирис (*исп*. arco iris — «радуга»). В этой уаке находится стилизованное изображение радуги с элементами волн. Это может свидетельствовать о тесной интеграции морских и небесных мотивов в религии Чимора, что довольно типично для андского мировоззрения, где нередко сложно отделить один религиозный мотив от другого. Дополнительное подтверждение этому в контексте

Ил. 10. Деревянный антропоморфный сосуд.
Фото: © Eduardo Vidal Gutierrez / Shutterstock.com

Ил. 11. Чиморский сосуд с антропоморфными и зооморфными мотивами.
Фото: © Myriam B / Shutterstock.com

чиморской религии и мифологии — частые изображения богини луны с морскими символами [*Moore, Mackey 2008*: 800].

Концепции, связанные с небом, имели важное религиозное значение и в культуре Мочика [*Dolorier et al. 2012*: 51–54]. Это говорит о длительной истории развития почитания небесных объектов на перуанском побережье. В целом этот мифологический сюжет следует считать универсальным для всего андского мировоззрения, поскольку он характерен не только для прибрежных, но и для горных культур.

Характерной особенностью чиморской религии была практика жертвоприношений, в том числе человеческих. Это, как известно, отличает все культуры Андской цивилизации. В письменных источниках говорится о жертвоприношениях детей богине Си [*Calancha 1638*: 552], что имеет явные параллели в инкской религии, для которой было характерно принесение в жертву детей богу солнца в горах (капаккоча). Такая практика объяснима с той точки зрения, что верховному божеству подносилось наиболее ценное (в этом контексте упомянутый выше эпизод из «Истории Нового Света» Б. Кобо не выглядит откровенной выдумкой). Относительно критериев отбора детей для жертвоприношений в Чиморе ничего не известно, однако можно предположить, что, как и в Тавантинсуйу, их отбирали достаточно скрупулезно в соответствии с внешними данными и отсутствием у них изъянов.

Археологические источники подтверждают сведения хроник, при этом находки последних лет в Уанчакито-лас-Йамас

скорректировали наши представления о масштабах подобных практик. Ранее считалось, что для Андской цивилизации не были характерны массовые человеческие жертвоприношения, однако теперь известно, что по крайней мере в Чиморе могли одновременно приноситься десятки жертв, в качестве которых чаще всего выступали ламы и люди [*Prieto et al. 2019*: 26]. Но археологические материалы также показывают, что подобная массовость была явлением редким, характерным для жертвоприношений по особым, экстренным случаям. Применительно к Уанчакито-лас-Йамас таким форс-мажором стало Эль-Ниньо, теплое океаническое течение, которое время от времени оказывает разрушительное воздействие на перуанское побережье. Исследователи жертвоприношения в Уанчакито-лас-Йамас предположили, что именно стремление нейтрализовать негативные последствия Эль-Ниньо стало главной побудительной причиной совершения столь массового сакрального акта. Археологические материалы также доказывают, что как раз в период господства Чимора на регион обрушилась серия катаклизмов, причиной которых стало течение Эль-Ниньо [*Caviedes 2001*: 224; *Grove, Adamson 2018*: 54].

Археологические данные свидетельствуют, что помимо детей в жертву нередко приносились молодые мужчины [*Klaus, Toyne 2016*: 20; *Verano, Phillips 2016:* 264]. Не исключено, что подобная практика отражала экспансию Чимора, а принесенные в жертву были военнопленными.

Еще одним важным поводом для совершения человеческих жертвоприношений в Чиморе были похороны правителей и, видимо, представителей знати. Вообще погребальный обряд относится к числу наиболее изученных и вместе с тем показательных явлений религиозного мировоззрения в Чиморе. Выделяются две большие группы погребений: престижные захоронения в цитаделях, принадлежавшие представителям правящей династии, и могилы рядовых жителей Чимора. Данные группы — это два крайних полюса погребального обряда, между которыми располагается большое количество промежуточных вариантов, тяготеющих к одному из них. Но именно они наиболее показательны для выделения основных тенденций похоронных традиций в Чиморе.

Погребения представителей династии располагались, судя по всему, в цитаделях. Как правило, погребальная платформа находилась вблизи центрального или южного сектора, а сам центральный сектор мог служить святилищем [*Keating, Kent 1973*: 285]. Церемония похорон правителей сопровождалась принесением в жертву большого количества молодых женщин [*Moseley, Kent 1982*: 154; *Pozorski 1979*: 132]. Для Чан-Чана характерно наличие перед платформами дворика, который выполнял ритуальные функции [*Moseley, Kent 1982*: 88–89].

В каждой платформе имелась одна главная погребальная камера (место упокоения центрального объекта захоронения, вероятно, правителя) и серия малых камер для сопроводительных погребений. Их число в настоящее время трудно установить, однако вероятно, что оно колебалось в пределах от 15 до 100 в зависимости от цитадели [*Moseley, Kent 1982*: 92–94]. В некоторых комплексах число погребенных могло достигать 300 человек [*Moseley, Kent 1982*: 100]. Кроме человеческих останков, на платформах также были обнаружены кости лам, которых приносили в жертву чаще других животных.

На данный момент известно лишь одно исключение из практики устройства погребальной платформы внутри цитадели — это комплекс Лас-Ависпас — погребальная платформа обнаружена у северо-восточного угла цитадели Фечеч-Ан (Лабиринто). Отличительной особенностью этой платформы является сравнительно хорошая сохранность [*Pozorski 1979*: 121]. В общей сложности здесь обнаружили 25 погребальных камер, в которых были погребены около 300 человек [*Pozorski 1979*: 121]. Как и прочие погребальные платформы Чимора, Лас-Ависпас является примером практики коллективных захоронений. Очевидно, что большая часть погребенных здесь молодых женщин были принесены в жертву по случаю похорон высокопоставленного лица.

Захоронения рядового населения Чимора известны по нескольким городищам, в том числе по знаменитым уакам культуры Моче, которые продолжали использоваться и в чиморское время. Чаще всего практиковался обряд погребения в ямах, с очень скудным сопроводительным инвентарем [*Tufinio 2016*: 65–678; *Tufinio 2018*: 269–271]. Часть захоронений происходит из нарушенного контекста, при этом в ряде случаев очевидно существование практики перезахоронений как целых костяков, так и отдельных костей [*Rengifo 2020*: 151–152]. На чиморском материале этот ритуал пока малоизучен, однако он довольно широко представлен в культуре Моче [*Millaire 2004*: 375–376].

Особенностью чиморских погребений является сидячая поза, которую придавали захороненным телам. Для более ранних культур северного побережья типично вытянутое трупоположение, а также погребение в деревянном или тростниковом гробу (это характерно для престижных захоронений). Сидячая же поза изначально практиковалась в культурах Сьерры. Вероятно, проникновение этого обычая на северное побережье связано с экспансией государства Уари, в результате которой было построено несколько опорных населенных пунктов, а также крупный значимый мавзолей Кастильо-де-Уармей [*Castillo de Huarmey 2014*]. В Чиморе этот вариант трупоположения стал преобладающим.

Материалы погребений и отрывочные упоминания в письменных источниках позволяют высказать несколько предположений о том, как в Чиморе представляли себе загробный мир. Из упомянутого выше пассажа о путешествии богини луны по загробному миру можно сделать вывод, что он виделся как некое пространство под землей, что не исключает возможности существования альтернативных концепций. Ранее высказывалось мнение, что для прибрежных культур была характерна заморская локация загробного мира [*Benson 1975*: 105]. Применительно к Чимору не сохранилось однозначных подтверждений этому, но исключать такую вероятность нельзя.

Практика сопроводительных жертвоприношений наводит на мысль, что в Чиморе загробный мир представлялся как отражение, повторение реального мира, то есть предполагалось, что люди после смерти продолжают заниматься тем же, чем они занимались при жизни. На это указывают данные более поздних андских культур (инкской и раннеколониальной), где такая трактовка подтверждается письменными источниками. При этом конкретная топография загробного мира Чимора, к сожалению, неизвестна.

Развитие наук и искусства

О науке в Чиморе известно немного, но очевидно, что она была ориентирована прежде всего на практические задачи. Исходя из общей логики культурного развития региона можно предположить, что в Чиморе получила развитие астрономия: почитание неба и светил в чиморской религии должно было стимулировать их изучение. Однако о конкретных результатах этого развития судить сложно. Определенных успехов достигла медицина, что подтверждается материалами погребений. Наиболее показательно развитие в Чиморе инженерного дела, необходимого для создания и поддержания ирригационной системы, без которой в регионе невозможно было продуктивное земледелие. Всё это предполагало известный уровень знаний в области математики, гидравлики и т. п. Сеть ирригационных каналов существовала на перуанском побережье задолго до Чимора, однако именно в рамках этого государства была создана беспрецедентная по своему охвату система орошения земли.

Письменность в собственном смысле этого слова в Чиморе не существовала, как и во всей Андской цивилизации. Однако ее вполне успешно заменяло кипу — так называемое узелковое письмо, с помощью которого была возможна запись даже пространных текстов исторического содержания.

Искусство Чимора, как и многие другие аспекты культуры этого государства, представляет собой конечный этап многовекового развития художественных традиций перуанского побережья. Унаследовав достижения предшествующих периодов, художники

и ремесленники Чимора достигли в ряде областей небывалого мастерства.

К наиболее значимым для Чимора областям ремесла и искусства можно отнести гончарство (керамика является наиболее массовым материалом), ювелирное дело, ткачество, резьбу по камню, мелкую пластику. Наиболее ценные с художественной точки зрения предметы происходят преимущественно из погребального контекста, но, к сожалению, нарушенного, поскольку чаще всего такие изделия попадали в музеи в результате грабительских раскопок.

Керамика Чимора представлена преимущественно чернофигурными сосудами различных форм и размеров. Большой популярностью пользовались зоо- и антропоморфные сосуды, изображавшие как реальных (птицы, животные) (**Ил. 11**), так и сверхъестественных существ, а также неодушевленные предметы. В целом стилистика большинства образцов чиморской керамики отличается лаконичностью и натуралистичностью, однако встречаются и фантазийные орнаменты (**Ил. 5**). Как и в других государствах Андской цивилизации, в Чиморе керамика изготавливалась без гончарного круга. Несмотря на несомненное генетическое родство с культурой Моче, одной из самых характерных черт которой является керамика с богатейшей изобразительной традицией, в Чиморе эта художественная тенденция развития не получила.

Подлинной жемчужиной искусства Чимора следует признать ювелирное дело, которое стилистически, типологически и технологически тесно связано с традициями более ранних культур, прежде всего Моче. Показательно, что после завоевания Чимора инки отправили в свою столицу большое количество ремесленников и ювелиров: это говорит о том, насколько ценились чиморские золотых дел мастера. В связи с этим можно лишь сожалеть, что до нас не дошло ни одного неразграбленного чиморского престижного захоронения.

Чиморские украшения из драгоценных металлов отличаются массивностью и вместе с тем изяществом исполнения. Большинство дошедших до нас образцов носит парадный и культовый характер. Из конкретных видов изделий можно выделить пекторали, диадемы, ожерелья, украшения для носа, серьги, погребальные маски. Иконографически эти изделия находят непосредственные параллели в других видах чиморского искусства: часто встречаются геометрические мотивы и изображения птиц и животных, а также антропоморфные персонажи (возможно, боги). Все эти вещи не только украшали правителя, но и сообщали окружающим его статус, поскольку изделия из драгоценных металлов считались не только и не столько украшениями, сколько связующим звеном с миром богов.

Торевтика Чимора представлена ювелирными украшениями, а также разнообразными сосудами и кубками из драгоценных металлов. Это впечатляющие по своему исполнению изделия преимущественно с зооморфными изображениями, которые находят параллели в других видах чиморского искусства. Нередки также сосуды в виде антропоморфных фигур [*King 2000*: 38–40]. Подобная посуда, несомненно, имела парадно-ритуальные функции и вряд ли предназначалась для повседневного использования.

Настенные барельефы Чимора известны почти исключительно на материале столичного городища Чан-Чана. До нас дошла лишь малая их часть, поскольку стены Чан-Чана возводились преимущественно из кирпича-сырца (**Ил. 6**). Как правило, эти изображения выполнены в натуралистичной манере с зооморфными (прежде всего птицы и рыбы) или геометрическими мотивами (**Ил. 7**). Однако встречаются и сложные фантазийные композиции (например, в Уаке-Арко-Ирисе) (**Ил. 8, 9**), прототипы которых можно обнаружить на памятниках, относящихся к более ранним этапам развития искусства перуанского побережья. В частности, это мотив радуги, встречающийся как на чиморских барельефах, так и на керамике культуры Мочика. Еще один общий мотив — изображения разнообразных обитателей моря, как реальных, так и фантастических. При этом

очевидно не только тематическое, но и стилистическое сходство.

Текстиль Чимора представлен в основном покрывалами (часто их фрагментами), которые были необходимым элементом погребального обряда: тела умерших заворачивали во множество слоев ткани. Изображения на текстиле носят условно-геометрический характер, орнаментальный декор создавался за счет использования симметрично чередующихся зоо- и антропоморфных фигур. Цветовая гамма преимущественно красно-коричневая с вкраплением других цветов. В целом текстиль Чимора по своей стилистике напоминает ткани прочих прибрежных культур, хотя в плане техники исполнения он имеет известные отличия [*Stone 2012*: 182]. Помимо хлопковых и шерстяных тканей чиморский текстиль представлен также изделиями из перьев, которые изготавливались из привозного материала и носили престижный характер [*Stone 2012*: 182–184]. За счет используемого материала эти изделия отличаются более насыщенными цветами.

Дошедшие до нас чиморские изделия из дерева весьма немногочисленны. Это объясняется редкостью материала в природно-климатической зоне перуанского побережья; не исключено, что он был привозным. Обычно это предметы небольшого размера, как например деревянный сосуд в виде человеческой фигуры (**Ил. 10**). Одна из самых значительных групп деревянных скульптур (53 предмета) была обнаружена в уаках Такайнамо и Арко-Ирис в Чан-Чане; в основном это антропоморфные фигуры [*Jackson 2004*: 305]. Принимая во внимание ритуальный характер сооружений, где были найдены артефакты, можно предположить, что и эти деревянные фигуры имели ритуальное назначение.

Анализируя искусство Чимора как систему, важно отметить наличие несомненного сходства сюжетов и образов, представленных на разного вида памятниках: керамике, текстиле, в мелкой пластике и настенных барельефах, причем это сходство прослеживается как в самих сюжетах, так и в манере исполнения. Другими словами, несомненно существование в Чиморе устойчивых художественных и стилистических канонов, что лишний раз подтверждает тезис о том, что искусство Чимора — это продукт многовекового развития целой цепочки самобытных и оригинальных традиций ряда археологических культур.

Е. В. Новосёлова

Bennett 1937 — *Bennett W. C.* Chimú Archaeology // The Scientific Monthly. 1937. Vol. 45. № 1. P. 35–48.

Benson 1975 — *Benson E.* Death-associated figures on Mochica pottery // Death and afterlife in pre-Columbian America: a conference at Dumbarton Oaks, October 27th, 1973 / ed. by E. Benson. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1975. P. 105–144.

Cabello Balboa 1951 — *Cabello Balboa M.* Miscelánea Antártica: una historia del Perú antiguo / con prólogo, notas e índices a cargo del Instituto de Etnología (Seminario de Historia del Perú-Incas). Lima: Universidad Nacional Mayor de San Marcos, 1951.

Calancha 1638 — *Calancha A. de la.* Corónica moralizada del Orden de San Avgvstín en el Perv con svcesos egenplares vistos en esta monarqvia ... Compvesta por el mvy reverendo padre maestro fray Antonio de la Calancha ... 1 vol. Barcelona: Pedro Lacavalleria, 1638.

Carrera 1644 — *Carrera F. de la.* Arte de la lengua yunga de los valles de obispado de Trujillo del Perú, con un confesionario y todas las oraciones cristianas traducidas en la lengua, y otras cosas. Lima: Joseph de Contreras, 1644.

Castillo de Huarmey 2014 — *Giersz M., Pardo C. (eds.).* Castillo de Huarmey. El Mausoleo imperial Wari / invest. M. Giersz, K. Makowski, P. Przadka Giersz; colabor. P. Castro de la Mata, R. Pimentel, M. Rosselló, C. Thays, G. Urton, M. I. Velarde, W. Wieckowski. Lima: Asociación Museo de Arte de Lima, 2014.

Caviedes 2001 — *Caviedes C. N.* El Niño in history: storming through the ages. Gainesville: The University Press of Florida, 2001.

Cerrón-Palomino 1995 — *Cerrón-Palomino R.* La lengua de Naimlap. Reconstrucción y obdolescensia del mochica. Lima: Pontificia Universidad Católica del Perú, 1995.

Cobo 1893 — *Cobo B.* História del Nuevo Mundo. T. 3. Sevilla: Edición de Marcos Jiménez de la Espada, 1893.

Cuéllar 2013 — *Cuéllar A. M*. The archaeology of food and social inequality in the Andes // Journal of Archaeological Research. 2013. Vol. 21. № 2. P. 123–174. DOI: 10.1007/s10814-012-9061-x

Dolorier et al. 2012 — *Dolorier C., Casas Salazar L., Sánchez Garrafa R.* Cosmos Moche. Lima: Museo Andrés del Castillo, 2012. (Colección Enigmas del Antiguo Perú).

Grove, Adamson 2018 — *Grove R., Adamson G*. El Niño in World History. London: Palgrave Macmillan, 2018.

Jackson 2004 — *Jackson M. A.* The Chimú sculptures of huacas Tacaynamo and el Dragon, Moche valley, Peru // American Antiquity. 2004. Vol. 15. № 3. P. 298–322. DOI: 10.2307/4141576

Keating, Conrad 1983 — *Keating R. W., Conrad G. W.* Imperialist expansion in Peruvian prehistory: Chimú administration of a conquered territory // Journal of Field Archaeology. 1983. Vol. 10. № 3. P. 255–283.

Keating, Kent 1974 — *Keating R. W., Kent C. D*. Chan Chan: a study of precolumbian urbanism and the management of land and water resources in Peru // Archaeology. 1974. Vol. 27. № 4. P. 228–235.

King 2000 — *King H.* Rain of the moon. Silver in ancient Peru / with contributions by P. C. de Mufarech & L. J. Castillo Butters. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2000.

Klaus et al. 2016 — *Klaus H. D., Turne B. L., Saldaña F., Castillo S., Wester C.* Human sacrifice at the Chotuna-Chornancap archaeological complex: traditions and transformations of ritual violence Under Chimú and Inka rule // Ritual violence in the Ancient Andes. Reconstructing sacrifice on the North coast of Peru / ed. by H. D. Klaus and J. M. Toyne. Austin: University of Texas Press, 2016. P. 178–210.

Klaus, Toyne 2016 — *Klaus H. D., Toyne J. M*. Ritual violence on the North coast of Peru: perspectives and prospects in the archaeology of Ancient Andean sacrifice // Ritual violence in the Ancient Andes. Reconstructing sacrifice on the North coast of Peru / ed. by H. D. Klaus and J. M. Toyne. Austin: University of Texas Press, 2016. P. 1–24.

Lavalle 1991 — *Lavalle J. A. de.* Chimú. Lima: Banco de Crédito del Perú, 1991. (Arte y tresoros del Perú).

Mackey, Ulana 1981 — *Mackey C. J., Ulana Klymyshyn A. M*. Construction and labor organization in the Chimú Empire // Ñawpa Pacha. 1981. Vol. 19. № 1. P. 99–114. https://doi.org/10.1179/naw.1981.19.1.006

Makowski 2000 — *Makowski K.* Los dioses del antiguo Perú. Lima: Banco de Crédito del Perú, 2000.

Makowski 2016 — *Makowski K.* Urbanismo andino. Centro ceremonial y ciudad en el Perú prehispánico. Primera edición. Lima: Apu Graph Ediciones, 2016.

Middendorf 1892 — *Middendorf E. W.* Das Muchik oder die Chimu-Sprache mit einer Einleitung über die Kulturvölker, die gleichzeitig mit den Inkas und Aimaras in Südamerika lebten und einem Anhang über die Chibcha-Sprache. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1892.

Millaire 2004 — *Millaire J.-F.* The manipulation of human bones on the Peruvian North Coast // Latin American Antiquity. 2004. Vol. 15. № 4. P. 371–388. DOI: 10.2307/4141584.

Moore 2004 — *Moore J. D.* The social basis of sacred places in the prehispanic Andes: ritual, landscapes of the dead in Chimú and Inka societies // Journal of Archeological Method and Theory. 2004. Vol. 11. № 1. Part 1. P. 83–124.

Moore, Mackey 2008 — *Moore J. M., Mackey C. J.* The Chimú empire // The handbook of South American archeology / ed. by H. Silberman & W. H. Isbell. New York: Springer, 2008. P. 783–807.

Moseley 1990 — *Moseley M. E*. Structure and history in the dynastic lore of Chimor // The Northern Dynasties: kingship and statecraft in Chimor: a symposium at Dumbarton Oaks, 12th and 13th October 1985 / ed. by M. E. Moseley and A. Cordy-Collins. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1990. P. 1–41.

Moseley, Kent 1982 — Chan Chan: Andean desert city / ed. by M. E. Moseley, C. D. Kent. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1982.

Pillsbury 2009 — *Pillsbury J*. Reading art without writing: interpreting Chimú architectural sculpture // Dialogues in art history, from Mesopotamian to Modern: readings for a new century / ed. by E. Cropper. Washington: National Gallery of Art, 2009. P. 72–89. (Studies in the history of art; 74. Symposium papers; 51)

Pillsbury, Banks 2004 — Pillsbury J., Banks L. L. Identifying Chimú palaces: elite residential architecture in the Late Intermediate Period // *Palaces of the Ancient New World: A Symposium at Dumbarton Oaks 10–11 October 1998* /ed. by S. Toby Evans, J. Pillsbury. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2004. P. 247–298.

Pozorski 1979 — *Pozorski T.* The Las Avispas burial platform at Chan Chan, Peru // Annals of Carnegie Museum. 1979. Vol. 48. P. 119–137.

Prieto et al. 2019 — *Prieto G., Verano J. W., Goepfert N., Kennett D., Quiter J., LeBlanc S.,*

Fehren-Schmitz L., Forst J., Lund M., Dement B., Dufour E., Tombret O., Calmon M., Gadison D., Tschinkel K. A mass sacrifice of children and camelids at the Huanchaquito-Las Llamas site, Moche Valley, Peru // PLoS ONE. 2019. № 14 (3). P. 1–29.

Quilter 2014 — *Quilter J.* The Ancient Central Andes. New York: Routledge, 2014.

Quilter et al. 2010 — *Quilter J., Zender M., Spalding K., Franco R., Gálvez C., Castañeda J.* Traces of a lost language and number system discovered on the North coast of Peru // American Anthropologist. 2010. Vol. 112. № 3. P. 357–369.

Rengifo 2020 — Chan Chan: esplendor y legado. Redescubriendo la antigua capital del Chimor / ed. by C. Rengifo. Trujillo: Ministerio de cultura del Perú, 2020.

Rowe 1948 — *Rowe J. H.* The kingdom of Chimor // Acta Americana. 1948. № 6. P. 26–59.

Stone 2012 — *Stone R. R.* Art of the Andes from Chavin to Inca. Third edition. London: Thames and Hudson, 2012.

Tantaleán 2021 — *Tantaleán H*. The ancient Andean State. Political landscapes in Pre-Hispanic Peru. 1st edition. London: Routledge. 2021.

Tsai 2012 — *Tsai H. I.* Adobe bricks and labor organization on the North coast of Peru // Andean Past. 2012. № 10. P. 133–169. URL: https://digitalcommons.library.umaine.edu/andean_past/vol10/iss1/9 (accessed 10.09.2024).

Tufinio 2016 — *Tufinio M.* Excavaciones en el frontis norte y Plaza 1 de Huaca de la Luna // Investigaciones en la Huaca de la Luna 2005 / ed. by S. Uceda, R. Morales, C. Rengifo. Trujillo: Universidad Nacional de Trujillo, 2016. P. 45–83.

Tufinio 2018 — *Tufinio M*. La presencia Chimú temprano en la Huaca de la Luna // Investigaciones en la Huaca de la Luna 2006 / ed. by S. Uceda, R. Morales, C. Rengifo. Trujillo: Universidad Nacional de Trujillo, 2018. P. 267–278.

Verano, Phillips 2016 — *Verano J. W., Phillips S. S*. The killing of captives on the North coast of Peru in pre-Hispanic times: iconographic and bioarchaeological evidence // Ritual violence in the Ancient Andes. Reconstructing sacrifice on the North coast of Peru / ed. by H. D. Klaus, J. M. Toyne. First edition. Austin: University of Texas Press, 2016. P. 244–265.

Villarreal 1921 — *Villarreal F.* La lengua yunga o mochica. Lima: Imprenta peruana de E. Z. Casanova, 1921.